Космач, Е. Н. [Рецензия] / Е. Н. Космач // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 312 – 317. — (Флоренс, США). McCauley M. The origins of the Cold War. 1941—1949. London, 2009

мемуары, написанные в 1960—1970-е гг. командирами и участниками партизанских отрядов не по собственной инициативе, а в рамках государственного заказа для накопления и сохранения воспоминаний о войне. Отсюда невнимание авторов к повседневности и сосредоточенность на рассказах о подвигах, боевых заданиях, уничтожении врага (с.191). Иная картина вырисовывается, если обратиться к документам собственно военного периода, например к письмам с фронта (большинство авторов — мужчины). Их сюжетной доминантой является описание бытовой повседневности. Е. С. Сенявская, проанализировавшая этот корпус источников, отмечает, что в письмах преобладает описание жилья, распорядка дня, рациона питания, денежного довольствия, состояния досуга, взаимоотношений с командирами и товарищами, таким образом «героический» аспект войны явно уступает «житейскому, будничному, повседневному» (с. 142—143). К аналогичному выводу, хотя и в контексте решения иных задач, пришли Е. Ф. Кринко и И. Г. Тажидинова. Предметом их анализа стала переписка солдат с девушками из тыла. И центральное место в ней также занимает повседневность, хотя уже не бытовая, а чувственная: «...Вокруг шла война, гибли люди, а молодые люди писали друг другу — о погоде, о своих настроениях и впечатлениях, переживаемых эмоциях, прочитанных книгах, увиденных кинофильмах» (с. 187).

Рецензируемый сборник наталкивает и на другие размышления. Назовем лишь некоторые из них: о категории «субъективность» в истории повседневности, о трудностях реконструкции собственно «женской повседневности», о постановке проблемы «мужская повседневность», об общих чертах и региональной специфике в повседневной жизни советского человека. Постановка этих вопросов говорит о том, что сборник «Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг.» заинтересовывает, провоцирует на размышления, а значит, вне зависимости от того, в чьих руках он находится (от ученых и студентов до любителей истории), он будет способствовать движению исторической мысли, популяризации исторических знаний. Высокий профессионализм авторов позволяет погрузиться в повседневную жизнь советского человека 1920—1940-х гг.

А. Б. Елисеев, доцент кафедры гуманитарных наук Минского филиала Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, кандидат исторических наук

McCAULEY M. The origins of the Cold War. 1941—1949. London : Pearson Education Limited, 2009.

Книга Мартина Маколея «Истоки холодной войны, 1941—1949 гг.» вышла третьим изданием (первое — в 2003 г.) и представляет собой наиболее полное изложение существующих подходов в англо-американской историографии к вопросу о происхождении холодной войны. Несмотря на то что холодная война между СССР и США осталась в прошлом, подозрительность во взаимоотношениях России и США продолжает оказывать влияние на принятие политических решений дипломатическими ведомствами двух стран.

В первой части работы, посвященной рассмотрению событий в мире в связи с большевистской революцией в России и ходом Первой мировой войны, М. Маколей дает описание взглядов В. Вильсона, направленных на предотвращение возможного вооруженного мирового конфликта в будущем. Видение мирового устройства, согласно взглядам американского президента, включало в себя реализацию принципа национального самоопределения для всех этнических групп; существование правительств, основанных на народном представительстве, возможность осуществления политических изменений посредством конституционных процедур, а не через революционные перевороты, а так-

же поощрение формирования просвещенного общественного мнения. По мнению Вильсона, дипломатия предшествующего Первой мировой войне периода основывалась на балансе сил и разделении мира на сферы влияния, что в конечном итоге обрекало страны и народы на новые вооруженные конфликты. Важнейшей частью вильсоновского видения мира было создание экономического порядка, основанного на так называемой политике «открытых дверей». Подобный подход включал ликвидацию всех таможенных барьеров, торговых преференций и других установленных государствами препятствий на пути свободного перемещения капиталов и товаров. Таким образом, взгляды Вильсона представляли собой либеральное, капиталистическое видение будущего и его политические представления основывались на осознании гражданских свобод и прав граждан. По мнению М. Маколея, они выражали идеалы и веру сильной, уверенной в себе нации, и подразумевалось, что они должны стать ценностями для всего мира.

Большевистская революция в России в 1917 г. олицетворяла собой полную противоположность и отрицание позиции В. Вильсона. Взгляды большевиков были коллективистскими по своей природе, основывались на принципе демократического централизма и на подчинении членов партии ее лидерам, а всего остального населения — руководству коммунистической организации. Рыночная экономика должна быть заменена плановой экономикой, полностью лишенной частной собственности. Таким образом, советское государство базировалось на господстве рабочего класса в союзе с беднейшим крестьянством, на исключении других социальных групп, полном отрицании буржуазии и капиталистической этики. Это вело к враждебности в отношениях с мировой капиталистической системой и международной экономикой, которые, по мнению большевиков, были обречены на гибель в будущем.

Тем не менее, по мнению М. Маколея, события 20-х гг. XX в., укрепление позиций СССР в мире, а также Великая депрессия, подорвавшая уверенность в полной неуязвимости рыночной экономики, способствовали установлению экономических контактов между двумя странами. Так, американское бизнес-сообщество во главе с Г. Фордом принимало участие в индустриализации СССР.

Отношение американских дипломатических кругов к Советскому Союзу начало изменяться, как считает М. Маколей, после вторжения в 1931 г. Японии в Маньчжурию. Осознание того факта, что СССР мог способствовать сдерживанию агрессии Японии в отношении Китая, привело в 1933 г. к дипломатическому признанию со стороны США. По мнению автора, начало Второй мировой войны и вторжение Германии на территорию СССР были поворотными событиями в европейской и мировой истории. Победитель в войне неизбежно оказался бы доминирующей силой в Европе и основным соперником Америки в борьбе за влияние в мире.

Возникал вопрос: какой должна быть позиция США и Великобритании в этом конфликте и каким должно быть их отношение к СССР? Как отмечает М. Маколей, У. Черчилль и Ф. Рузвельт выразили готовность оказать помощь СССР. Последний, в частности, заметил: «Я не могу воспринять коммунизм, но для того, чтобы пересечь этот мост — я готов пожать руку Дьяволу» (p. 8). Рузвельт не хотел конфронтации со Сталиным. В июле 1941 г. американский президент направил своего помощника Г. Гопкинса на встречу со Сталиным для обсуждения условий помощи США Советскому Союзу. Таким образом, нацистская Германия рассматривалась Америкой как большее зло. Однако после того как фашистская Германия была разгромлена, в ЦЮВЕ образовался вакуум власти и многое зависело от того, как он будет заполнен. Но на начальном этапе войны этим вопросам уделялось мало внимания.

По мнению М. Маколея, дискуссии о послевоенном устройстве Европы впервые начались на конференции в Тегеране. Ее решения внушали Рузвельту оптимизм по поводу возможности сотрудничества с Москвой. Предполагалось, что страны ЦЮВЕ будут находиться в союзе с СССР, но речь о «большевизации» региона не велась.

По мнению Рузвельта, СССР должен был играть ведущую роль в ООН в целях поддержания послевоенного мира. Однако ситуация изменилась к Ялтинской и Потсдамской конференциям, а в 1947 г. Вашингтон и Москву разделила глубокая пропасть холодной войны. Само словосочетание было впервые употреблено испанским писателем XIV в. Доном Хуаном Мануэлем, который анализировал конфликт между христианством и исламом. Так называемая «горячая война» заканчивается смертью или миром. Холодная война, как считает М. Маколей, не приносит «ни мира, ни чести тому, кто ее ведет» (p. 10). При этом он пытается определить, чья вина более значительна, а также был ли этот процесс неизбежным.

По мнению автора, наиболее известные государственные деятели Запада — У. Черчилль, Г. Трумэн, Дж. Бирнс, К. Галл, Д. Ачесон, положили начало так называемому «традиционному» или «ортодоксальному» направлению в историографии генезиса холодной войны, главная идея которого состояла в том, что СССР виновен больше, чем какая-либо другая страна в ее возникновении [1]. «Традиционная» интерпретация была дана и Дж. Кеннаном в знаменитой «Длинной телеграмме» от 22 февраля 1946 г., а также в статье «Источники советского поведения», опубликованной в июле 1947 г. в журнале «Foreign Affairs» [2]. Дальнейшее развитие она получила в академических работах Г. Фейса и У. Макнейла [3]. Согласно им источники холодной войны коренились в самом марксизме-ленинизме с его идеями классовой борьбы и мировой революции. В этих условиях единственным выходом для США явилась политика сдерживания экспансии коммунизма, а также экономического возрождения стран Европы (план Маршалла).

Маколей подчеркивает, что впоследствии «традиционная» точка зрения перестала быть доминирующей и стала сосуществовать с так называемой «ревизионистской», основная идея которой состояла в том, что на США лежит главное бремя за развязывание глобального противостояния двух сверхдержав. «Ревизионистские» взгляды стали быстро развиваться в 60—70-е гг. XX в. как проявление реакции на войну во Вьетнаме и усиление критики внешнеполитических подходов администраций Л. Джонсона и Р. Никсона. Наиболее известными представителями этого направления являлись Г. Колко, Г. Альперович, Л. Гарднер, Т. Паттерсон, У. Лафебер, Д. Горовиц, Д. Флеминг, Б. Бернштейн [4]. По мнению «ревизионистов», причины конфронтации коренились в политической и экономической системе США, которая была ориентирована на экономическую и как результат политическую экспансию.

Автор подчеркивает, что политика «открытых дверей» требовала предоставления Америке «равных возможностей» на мировых рынках, ликвидации таможенных барьеров и торговых преференций. Таким образом, целью «американского мира» являлось расширение мощи США в масштабах земного шара. Согласно взглядам «ревизионистов», решающим фактором, приведшим к войне с Германией и Японией, было желание поддерживать и расширять долю США в мировой экономике, поскольку Германия и Япония были заняты созданием собственных империй-автаркий. Такая же политика велась американскими политическими кругами и в отношении Великобритании, которая в результате переговоров по ленд-лизу, созданию Всемирного банка и Международного валютного фонда, предоставлению ей займа Америкой в ноябре 1945 г. должна была открыть свои традиционные рынки для конкуренции с США. Что касается судьбы стран ЦЮВЕ, то эти территории, согласно взглядам «ревизионистов», стали значимы для США лишь после 1945 г., поскольку сохранялась возможность проводить там экономическую политику «открытых дверей» и как результат расширять политическое влияние Америки в данном регионе. Советское руководство, таким образом, не могло терпеть угрозы своей национальной безопасности в Восточной Европе, так как расширение американского торгового влияния и инвестиций часто сопровождалось воинствующим антикоммунизмом, что нашло свое выражение в доктрине Трумэна и плане Маршалла.

Маколей отмечает, что в конце XX в. две исторические школы были дополнены третьей, так называемой «постревизионистской». Ее представители были моложе по возрасту и не являлись эмоционально вовлеченными в события периода холодной войны.

«Постревизионисты» заимствовали лучшее из обоих подходов, синтезировали достижения «традиционной» и «ревизионистской» школ, использовали новые документы, сделали интересные выводы [5]. С одной стороны, они старались избежать крайностей и излишней идеологизации ревизионистского подхода, с другой — стремились критиковать стереотипы традиционалистов. Характерно, что ни представители ревизионистского, ни традиционного подходов не имели доступа к советским документам. Таким образом, «постревизионистские» работы предлагают всесторонний и более критический анализ событий начала холодной войны.

По мнению английского исследователя, Сталин прекрасно понимал ту огромную цену, которую СССР заплатил за победу в войне, обеспечив тем самым сохранение немарксистских демократий в восточно-европейских государствах. В этих условиях он ожидал вознаграждения за понесенные жертвы, что впоследствии нашло свое выражение в доминирующем положении в ЦЮВЕ.

Согласно М. Маколею, события 1945 г. были решающими для возникновения холодной войны. Во-первых, в это время произошли изменения в политике США, которые были обусловлены применением ядерного оружия, смертью Ф. Рузвельта и приходом к власти новой администрации Г. Трумэна, чьи внешнеполитические подходы были совершенно иными. Эти факторы способствовали укреплению позиций СССР в регионе, однако примерно до осени 1947 г. Москва стремилась достичь соглашения с США.

Во-вторых, причиной изменений в политике США явилось поведение Советского Союза в Восточной Европе. Американцы явно недооценивали потребность СССР в «зоне безопасности» вдоль своих западных границ, преуспев в укреплении его желания установить режимы советского образца в сопредельных странах. Москва, по мнению М. Маколея, опасалась «нового марша капитализма», вооруженного атомной бомбой. Таким образом, СССР «хлопнул дверью, поскольку не имел на том этапе возможностей конкурировать на равных условиях» (p. 67).

В-третьих, несовместимость советских и американских подходов проявилась бы рано или поздно. Она в любом случае была предопределена, но это не означало разделения Европы на враждебные блоки. Экономическая экспансия США была неизбежна, но необязательно экспорт американского капитала и продукции должен был сопровождаться усилением американского империализма. По мнению автора, перспектива социал-демократической Европы довольно хорошо просматривалась в 1945 и 1946 гг.

В-четвертых, более значительная экономическая и политическая мощь США в сравнении с СССР давала им гораздо больше возможностей изменять послевоенный мир. Американская элита недооценивала значимость соображений безопасности для СССР и рассматривала его национальные интересы в Восточной Европе как доказательство советского экспансионизма, отказываясь от сотрудничества с Москвой. Это в свою очередь заставляло СССР рассматривать американскую внешнюю политику как агрессивный экспансионизм, что чрезвычайно затрудняло сотрудничество. Круг замыкался.

В-пятых, у властной элиты США существовали различные взгляды, что затрудняло выработку последовательной внешнеполитической линии на заключительном этапе войны и в первые послевоенные годы. Особенно ярко эта непоследовательность проявилась по отношению к будущему Германии. Следовательно, по мнению М. Маколея, Москва испытывала значительные трудности в понимании намерений западных союзников. С другой стороны, личностные качества советских лидеров затрудняли понимание между двумя сторонами. Так, качества В. Молотова позволяли твердо защищать позиции СССР, но не дали возможность «очаровать» американскую сторону и заставить США больше доверять СССР.

По мнению М. Маколея, целый ряд послевоенных европейских проблем обеспечили так называемую «материальную базу» для нагнетания противостояния между СССР и США. К ним автор относит критическое состояние европейской экономики, голод, болезни, беженцев, безработицу, растущие проблемы задолженности разрушенных государств. После войны США, как известно, являлись ведущей мировой державой. Слабость британской экономики превратила страну в младшего партнера Америки, в то время как СССР «проник» в ЦЮВЕ. Маколей считает, что «доктрина сдерживания» играла решающую роль в развитии американских подходов к конфликту Восток — Запад.

Автор делает попытку объяснить, почему эта доктрина, которая далеко не отражала реальности того времени, так быстро завоевала умы политической элиты США. Он приводит ряд аргументов: 1. Мнение У. Черчилля о том, что «политика умиротворения» позволила Гитлеру начать мировую войну, заставляло рассматривать СССР как такое же тоталитарное и экспансионистское государство. Оба режима обладали внутренней потребностью к экспансии и, следовательно, представляли прямую угрозу национальной безопасности других государств. Запад позволил фашистской Германии обмануть себя, а потому не имел права на повторную «ошибку». 2. Увеличение мощи США после войны не подкреплялось чувством безопасности, скорее наоборот. Являясь объектом агрессии со стороны тоталитарных государств в прошлом, США были хорошо осведомлены о рисках для своей национальной безопасности, что заставляло уделять постоянное внимание расширению военных программ. 3. Чувство неуверенности усугублялось страхом экономической рецессии и памятью о Великой депрессии. Бизнес-элита США делала все возможное, чтобы избежать новых экономических потрясений, а потому стремилась получить свободное перемещение капиталов, товаров, услуг, а также ликвидировать таможенные барьеры. 4. Условия военного времени и предельная мобилизация всех ресурсов позволили США усилить свое экономическое могущество. Поэтому мировая война могла быть заменена так называемой холодной войной, которая бы способствовала еще большему росту экономики страны. 5. Война способствовала увеличению потенциала ВПК США, который не желал терять своего веса, и, таким образом, «советская угроза» создавала все необходимые предпосылки для расширения и укрепления его влияния в стране и мире. В этих условления свои позиции во всех странах, не входящих в сферу влияния СССР, что, в свою очередь, заставляло его консолидировать свое влияние в странах ЦЮВЕ. Таким образом, «план Маршалла», по мнению советской стороны, был направлен на создание блока западноевропейских государств, противостоящих СССР.

М. Маколей подчеркивает, что отказ СССР присоединиться к «плану Маршалла» способствовал техническому и экономическому отставанию страны в долговременной перспективе. Кроме того, неприсоединение СССР к Международному валютному фонду, «плану Маршалла» и блокада Берлина были тремя самыми грубыми дипломатическими ошибками И. Сталина, усугубившими раздел Европы на враждебные блоки (p. 88).

Следует отметить, что работа М. Маколея содержит чрезвычайно интересный подбор источников, позволяющих составить всестороннее представление о позициях различных сторон в зарождающемся конфликте по линии Восток — Запад. Его работа представляет несомненный интерес для историков и всех интересующихся проблемами европейской истории и международных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Churchill W.* The Second World War, 6 vols. Boston : Houghton Mifflin, 1948—1953; *Truman H.* Memoirs, 2 vols. Garden City ; New York : Doubleday, 1955—1956; *Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. New York : Macmillan, 1948; *Stettinius Ed.* Jr. Roosevelt and the Russians. Garden City; New York : Doubleday, 1949; *Byrnes J.* Speaking Frankly. New York : Harper, 1947; *Acheson D.* Present at the Creation. New York : Norton, 1969; *Bohlen Ch.* Witness to History, 1929—1969. New York : Norton, 1969; *Kennan G.* Memoirs. 1925—1950. Boston :

Little Brown, 1965; *Eden Ant*. The Memoirs of Anthony Eden. Boston : Houghton Mifflin, 1965.

2. *Mr. X*. The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1947. № 4. P. 580—581.

3. *Feis H*. The Atomic Bomb and the End of World War. Princeton : Princeton University Press, 1966; Between War and Peace: The Potsdam Conference. Princeton : Princeton University Press, 1960; Churchill, Roosevelt, Stalin. Princeton : Princeton University Press, 1957; From Trust to Terror: The Onset of the Cold War. New York : Norton, 1970; *Mc. Neil, W*. America, Britain and Russia: Their Cooperation and Conflict, 1941—1946. New York : Oxford University Press, 1953.

4. *Alperovitz G*. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam: The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power. New York : Vintage Books, 1965; *Bernstein B*. Politics and Policies of the Truman Administration. Chicago : Quadrangle Books, 1970; *Fleming D*. The Cold War and its Origins, 1917—1960. 2 vols. Garden City ; New York : Doubleday, 1961; *Gardner L*. Architects of Illusion: Men and Ideas in American Foreign Policy, 1941—1949. Chicago : Quadrangle Books, 1970; *Horowitz D*. The Free World Colossus. New York : Hill and Wang, 1965; *Kolko J. and G*. The Limits of Power. New York : Harper and Row, 1972; *Lafeber W*. America — Russia and The Cold War. 1945—2002. New York : Mc. Graw-Hill, 2002; *Paterson Th*. Cold War Critics: Alternatives to American Foreign Policy in the Truman Administration. Chicago : Quadrangle Books, 1970.

5. *Gaddis J*. The United States and the Origins of the Cold War. New York : Columbia University Press, 1972; *Etheridge D. L*. The Cold War Begins: Soviet-American Conflict over Eastern Europe. Princeton : Princeton University Press, 1974; *Sherwin M. J*. A World Destroyed: The Atomic Bomb and The Grand Alliance. New York : Knopf, 1975; *Lundestad G*. The American Non-Policy towards Eastern Europe, 1943—1947: Universalism in an Area Not of Essential Interest to the United States. Tromso, Norway : Universitetsforlaget, 1978; *Yergin D*. Shattered Peace: the Origins of the Cold War and the National Security State. Boston : Houghton Mifflin, 1977; *Mastny V*. Russia's Road to the Cold War: Diplomacy, Warfare and the Politics of Communism, 1941—1945. New York : Columbia University Press, 1978; *Herring G*. Aid to Russia, 1941—1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. New York : Columbia University Press, 1973; *Leffler M. A*. Preponderance of Power: National Security, the Truman Administration and the Cold War. Stanford : Stanford University Press, 1992.

Е. Н. Космач, профессор европейской истории Francis Marion University (Флоренс, Южная Каролина, США), кандидат исторических наук, доцент

ПОЛАЦКІ ЭТНАГРАФІЧНЫ ЗБОРНІК / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. Вып. 2: Народная проза беларусаў Падзвіння: у 2 ч. Наваполацк : ПДУ, 2011. Ч. 1. 292 с.; Ч. 2. 368 с.

Традыцыйная культура Беларусі, якая заўсёды разглядалася як асноўны аб'ект вывучэння айчыннай этналогіі, знікае ў нас на вачах пад уплывам шматлікіх фактараў ад новай хвалі мадэрнізацыі да ўсёмагутнай глабалізацыі. Беларуская этналогія апынулася ў тым становішчы, калі збор палявога этнаграфічнага матэрыялу становіцца адной з самых актуальных задач, ад паспяховага вырашэння якой у пэўнай ступені будзе залежаць і далейшы лёс самой навукі. Ці пойдзе яна за сучаснай культурнай антрапалогіяй амерыканскага кшталту і зоймецца даследаваннем сучаснай гарадской (бо вясковай проста не будзе) культуры праз розныя кагнітыўныя, постмадэрнісцкія ці сімвалічныя парадыгмы і паступова трансфармуецца ў cultural study, ці застанецца маргінальнай рэгіянальнай версіяй, кансерватыўнай постмарксісцкая этналогіяй, якая будзе паступова дэградзіраваць і яе навуковая будучыня ў такім выпадку будзе ў густым тумане неакрэсленасці. Ёсць, сапраўды, яшчэ трэці шлях — пошук уласных мадэлей, цікавых і самабытных «салатаў», якія найбольш адэкватна і эфектыўна дазваляюць прыблізіцца да разумення культуры Беларусі. Гэты няпросты шлях вымагае пэўных высілкаў і (што відавочна) памылак.

Зразумела, што вельмі прываблівым і спакуслівым з'яўляецца пошук сучасных заходніх антрапалагічных канцэпцый, якія можна лёгка прыстасаваць да любога рэгіянальнага палявога этнаграфічнага матэрыялу і стварыць імідж «прагрэсіўнага і знаёмага з апошнімі распрацоўкамі антраполага». Аднак такога кшталту механіцызм стварае знач-